

18+

ОЛЬГА ДЁМИНА

РАНДЕВУ В ПАРИЖЕ

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

Ольга Дёмина

Рандеву в Париже.

Современная проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48896192

ISBN 9785005093974

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Журналист Ольга Дашкова влюблена в молодого художника Сергея Смирнова, но измена и предательство любимого человека повергают ее в депрессию. Она ищет спасения от дурного настроения в прогулке по осеннему парку. Здесь она встречает красивого незнакомца. Им оказывается граф Мишель Строганов, приехавший в Россию в командировку из Франции. Мишель влюбляется в Ольгу и предлагает ей руку и сердце. Брак Ольги с Мишелем возможен, но для этого ей придется уехать жить в Биарриц, родной город Мишеля.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	24
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Рандеву в Париже

Современная проза

Ольга Дёмина

© Ольга Дёмина, 2019

ISBN 978-5-0050-9397-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Молодой художник Сергей Смирнов был талантливым, но не признанным столичной богемой. Его несколько удачных работ (в основном – портреты прекрасных дам) украшали частные собрания отечественных и зарубежных коллекционеров. Но до всеобщего признания было еще далеко.

Сергей приехал из провинции покорять столицу. Он был выходцем из простой рабочей семьи, потому едва сводил концы с концами. И тут на его пути повстречалась Она. Ее звали Марина, она была женой банкира, женщиной богатой и очень влиятельной. Марина невыносимо скучала, поэтому встретив красивого молодого юношу, она с головой окунулась в любовную авантюру. Она была старше Сергея на двадцать лет, но это их не смущало. Марина помогла любовнику стать знаменитым художником, Сергей был нежен с ней в постели. Они расстались так же легко, как и сошлись. На прощание Сергей подарил Марине ее портрет, она же от избытка чувств подарила молодому любовнику новый автомобиль и укатила с очередным любовником на модный курорт.

Марина не была его Галатеей, поэтому Сергей очень быстро бы забыл свою страсть, если бы Марина не решила покончить жизнь самоубийством. Разразился скандал, муж кинулся искать виновных. И они быстро нашлись, у жены банкира было много любовников. Подозрение пало и на Сергея, так

как он также входил в круг «избранных». Дело отягчалось еще тем, что из комнаты Марины исчезли все ее драгоценности. Сергея допрашивал матерый опер, он хотел вывести того на чистую воду, уговаривал «не валять Ваньку», покаяться, так сказать, во всех грехах и сознаться в содеянном. Смирнов не хотел отдуваться за чьи-то грехи, он ни в чем не сознался. К тому же, у него было железное алиби. В тот день, когда погибла Марина, его не было в городе. И все же, ему пришлось продать новый автомобиль, чтобы нанять хорошего адвоката. Адвокат вытянул своего подзащитного из передряги, в которой тот оказался по молодости лет. Сергей был на свободе, но ему снова пришлось начинать все сначала. Он был замешан в крупном скандале, его имя журналисты бульварной прессы буквально смешали с грязью. Он растерял всю клиентуру, друзья отвернулись, он чудом удержался в художественной академии. Черная полоса, казалось, не кончится никогда. Смирнов начал искать утешение на дне бутылки, и чуть не спился.

В трудную минуту жизни художника спасла живопись. Он трудился не покладая рук, не щадя своих сил. Исхудавший, полуголодный он мог часами, сутками простаивать возле мольберта, не покидая здания на набережной, где располагались художественные мастерские. Там же он и жил, так как дома у него не было. Ел он через день. Денег едва хватало на краски, кисти и холсты.

Хорошо, что рядом были такие же художники, ненормаль-

ные и одержимые работой, которые поддержали молодого коллегу в трудную минуту.

– Ты пойми, Серега, так ты себя до изнеможения доведешь, а все равно ничего толкового не нарисуешь, – говорил сердобольный Севка Лаптев.

Его мастерская была по соседству. Он больше всех сочувствовал молодому художнику и переживал за него больше всех. Когда-то в юности Севка тоже пережил бурный всплеск всеобщего признания. Но успех длился недолго.

Лаптев понял, что звезд с небес он не достанет, зато сможет делать картины под заказ, на продажу. Жена Алиса была в восторге от его натюрмортов с чайными сервизами, вазами с фруктами; русскими пейзажами, где красовались березы в зеленых сарафанах. Желтые сережки казались как живые, они приветливо махали с полотна каждому, кто проходил мимо картины. А это так умиляло зрителей, что отбоя у Лаптева от покупателей не было. И туристы, и соотечественники так любили русскую природу!

Алиса была счастлива, что связала свою жизнь с Севкой. Их брак не превратился в рутину даже после тридцатилетнего юбилея.

– С художником не соскучишься, – любила поговаривать среди подруг Алиса. – Мы со своим уже он сколько лет вместе, а все как молодые.

– И тебе не скучно с одним мужиком? – спрашивала подруга юности, бойкая Варвара, которая жила уже с пятым

по счету мужем. – А как же всплеск эмоций, новые впечатления?

– Представляешь, подруга, не скучно. Он же художник, понимаешь. Он же весь в искусстве, творец, служитель муз.

– Вот то-то и оно, что служитель муз, – легкомысленно захихикала Надежда. – Они, наверное, и кружатся возле него, эти музы.

– Надежда, прекрати немедленно, – прикрикнула на подругу Варвара. Она была самая строгая среди подруг, как никак – нотариус. Постоянная работа с документами и людьми сделала ее ответственной за человеческие судьбы.

А Варвара была знатоком человеческих душ. Ей доверяли все: и клиенты, и родственники, и, вообще, случайные попутчики. Перед ней покаялась и Алиса, хотя долго скрывала от подруг свою боль. Варвара знала, что Алиса очень страдает от того, когда ее Лаптев приступает к работе над новым женским портретом. Портреты детей, стариков, мужчин не расстраивали Алису. Она даже с удовольствием их рассматривала. Подолгу стояла перед полотнами, находя некие огрехи, показывая мужу, где нужно усилить светотень, где заменить фон, слегка исправить контур, цвет одежды.

Общаясь в кругу художников, Алиса сама научилась рисовать. Правда, она занималась батиком – ручной росписью по шелку анилиновыми красками, все равно – это была возможность окунуться в мир прекрасного, волшебного мира. Свои работы она дарила подругам, украшала цветасты-

ми картинами свою гостиную. Ее даже хвалили некоторые знатоки батика. Все было хорошо до тех пор, пока в студии не появилась красивая женщина. Она царила в обители художника, осознавая свое совершенство, грацию и неотразимость от природы.

– Сева, опять ты увлекся, эта модель – твое новое увлечение? – каждый раз сетовала жена.

– Лиса – Алиса, не сердись, ну понимаешь, это же – муза, – ласково говорил Сева жене. Всего несколько сеансов, и мы расстанемся с ней, как в море корабли...

Но эти слова уже не могли обмануть Алису, которая от природы не обладала убийственной красотой. И она съживалась от присутствия красавицы в их мастерской, а главное – от своего бессилия, что-либо изменить, безумно ревнуя и молча глотая слезы про себя.

Глава 2

– Сережка, дружище, ты опять не ночевал дома, – в дверях замаячила рыжая лохматая голова. Севка Лаптев унаследовал от матери густые вьющиеся волосы. Они вились в густые мелкие завитушки, и от этого Севка не мог с ними справиться, сколь тщательно не причесывался б по утрам. Он и мочил шевелюру водой и гелем смазывал, все было бесполезно. Поэтому он всегда с завистью смотрел на черные волосы друга, которые плавной волной рассыпались по плечам.

– Эх, повезло тебе, Серега, с волосами. Они у тебя – послушные.

– Ну, будет тебе приbedняться. Да о таких локонах, как у тебя, мечтает, каждая женщина, и перманент делать не надо!

– Смеешься, – обиделся друг и отвернулся к окну.

– Не дури, приятель. Ну, будет обижаться. Я тебя так ждал. Вот посмотри, что я ночью нарисовал.

Сева внимательно рассматривал картину, стоявшую на мольберте. Чего-то не понимая, подошел поближе, сощурил подслеповатые глаза, затем отошел подальше, не отводя взгляд от картины. Наконец-то его озарило, он стукнул себя по лбу и воскликнул:

– Прекрасно! Сережка – ты просто гений. Тебе удалось переплюнуть самого Тинторетто.

– Да это и есть он сам и его портрет прекрасной незнакомки, – виновато улыбнулся Смирнов.

– Но как?! Как картина самого Тинторетто очутилась у тебя в мастерской?

– Досталась по наследству...

– Ты шутишь? – Сева недоверчиво посмотрел на приятеля.

– Ну, конечно, шучу.

– Боже, я теперь понимаю, ты украл эту картину из музея! – ужаснулся одной только мысли Лаптев.

– Да, нет же, успокойся. Никто ее не крал.

– Но тогда объясни, как портрет прекрасной незнакомки кисти итальянского художника эпохи Возрождения оказался у тебя в мастерской?

– Мне ее дал приятель, на время, на неделю. Он работает в провинциальном музее, в фондах. Ну, вот и дал мне эту картину, чтобы я имел возможность поближе познакомиться с техникой Тинторетто.

– Какой ужас! Эту картину, наверное, уже ищут. И если ее найдут у тебя, ты, Смирнов, пропал. Тебя обвинят в похищении полотна, художественная ценность которого достигает миллиона долларов. А то может и больше! Тебя арестуют, и ты потом ничего не докажешь, что это не ты вынес картину из музея...

– А кто вынес картину из музея?! – удивилась Алиса. Она только что зашла в мастерскую Смирнова и услышала обры-

вок фразы, сказанной мужем.

Мужчины замерли от неожиданности, они не знали, что ответить. Лаптев в нерешительности уставился на жену, он не решался раскрыть тайну, не принадлежавшую ему. Молодой художник был в полном смятении. Слова опытного Севы смутили его, словно на него вылили ушат холодной воды. Беря картину из музея, так сказать, на прокат, Сергей думал лишь о творчестве, о том удобном случае, когда ему представилась возможность поближе познакомиться с техникой великого мастера. Сергей хотел открыть тайну мастеров эпохи Возрождения, даже если для этого ему понадобились бы годы. Но он совсем не хотел садиться в тюрьму.

Алиса посмотрела на мужчин и улыбнулась:

– Вы что-то скрываете от меня? Верно.

– Ну, что ты, Алиса, как ты могла такое подумать! – наигранно возмутился Сева. – Я, да от тебя! Чтобы я что-то скрывал. Никогда!

– Да ладно, Сева, перестань, давай скажем всю правду Алисе, – сказал Сергей. – Дело в том, что я украл картину из музея.

– Правда?! Но что же теперь будет? – ужаснулась женщина. От услышанного у нее закружилась голова, стало трудно дышать, и она тяжело опустилась в кресло. Алисе стало жаль молодого художника. Он был таким застенчивым симпатичным юношей с прекрасными манерами и такими грустными, как у побитой собаки, глазами. Утром, по радио, Алиса услы-

шала новость о том, что из подмосковного музея неизвестными похищено несколько полотен итальянского художника Тинторетто. Но Алиса и предположить не могла, что в краже картин замешан их лучший друг Смирнов.

– Аля, ну что ты, дружок, так переживаешь! – Лаптев со всех ног кинулся к жене. – Тебе плохо? Скажи.

– Да, что-то сердце кольнуло...

– Я принесу сейчас капли. Я мигом! – Сева метнулся было к выходу, но Алиса удержала мужа за руку: – Постой, не надо никаких капель. Скажи, что же теперь будет? Сергею что-то угрожает?

Лаптев молча кивнул головой.

– Но он же не виноват. Я уверена, что его подставили. А он молодой, не опытный, не понял, что оказался втянутым в чью-то аферу.

– Я понял! – решительно сказал Сергей. – Мне надо, сейчас же отнести эту картину в тот музей, откуда она была похищена.

– Что ты! Что ты! – Сева замахал рукой на друга. – Ни в коем случае этого делать нельзя! Тогда ты автоматически становишься соучастником этого преступления.

– Но как же мне тогда быть! – от отчаяния Сергей метался из угла в угол как загнанный волк.

– Не знаю. Пока не знаю.

– А, может, эту картину лучше всего подбросить? – предположила Алиса. – И картина будет возвращена, и Сергей

никак не пострадает.

– Точно, Аля! Какая ты у меня, молодчина! – Сева с признательностью чмокнул жену в щеку.

– Надо немедленно спрятать эту картину, пока кто-нибудь сюда не появился – милиция или пресса, – сказала Алиса.

– Точно! Но куда? – Лаптев в нерешительности посмотрел на Сергея. Они вдвоем отошли к окну и шепотом стали рассуждать, куда лучше, на время, спрятать картину, чтобы не привлекать внимание любопытных глаз.

Как назло в мастерскую влетела неизвестная наглая особа. Переступив порог, она придирчиво обвела взглядом всех собравшихся и представилась: – Меня зовут Ольга Дашкова, я веду журналистское расследование по делу кражи из музея полотна итальянского художника Тинторетто. Что вам известно по этому делу?

Собравшиеся в комнате заговорщицки переглянулись друг с другом и уверенно солгали: «Ничего».

– Так, странно это, – сказала журналистка и подозрительно посмотрела на художников. – Обычно художники первыми узнают о пропаже картин из музеев. Говорят, у них есть свои каналы.

– А, может быть, у нас нет своих каналов, – Алиса с вызовом посмотрела на красивую журналистку. Ей сразу же не понравилась эта молодая заносчивая дрянь. Дашковой было на вид лет тридцать, может быть, тридцать пять. Светлые волосы собраны в хвост, от чего журналистка вовсе была

похожа на девчонку. Облегающие джинсы и тонкий голубой свитер безумно ей шли, делая и без того стройную фигуру еще тоньше. Алиса была пышной пятидесятилетней дамой, она с ненавистью уставилась на непрошеную гостью. Дашкова уверенно расхаживала по мастерской, бесцеремонно разглядывая ее содержимое. Ее не интересовали багеты, рамки, кисти и тюбики с красками, но она придирчиво разглядывала картины и этюды. Дашкова самодовольно хмыкнула: – А вы, Сергей Смирнов, неплохо рисуете.

– Откуда вы знаете мое имя? – удивился Смирнов, голос его слегка дрогнул. – Интересно, кто вас направил ко мне? В городе столько художников, а вы заявили именно ко мне?

Дашкова на миг отвлеклась от изучения картин и внимательно посмотрела на молодого художника. Парень ей очень понравился. «Высокого роста, хорошо сложен. Пронзительные карие глаза. Да вы – Аполлон, сударь! Интересно, какой он в постели? – подумала про себя Дашкова. Но ее тут же посетила неприятная мысль. – Да, но этот парень младше меня лет, эдак, на десять. Ну и черт с ним! Надо продолжать расследование».

– Меня направил к вам, Сергей Смирнов, – журналистка сделала упор на слове «Смирнов» и подозрительно уставилась на художника, – ваш приятель, с которым вы учились в одной школе. В данный момент – он сотрудник музея. Кажется, работает в фондах.

– А-а-а, школьный приятель, – с облегчением вздохнул художник. – И что же он вам про меня сказал? Это, по всей видимости, Олег Кириллов вас ко мне направил.

Алиса нервно вздохнула и в недоумении посмотрела на мужа. «Сева, что он делает? – прошептала женщина одними губами. – Зачем признался, что знаком с этим Кирилловым?» Лаптев от бессилия развел руками в стороны. Он сейчас не хотел вступать в словесную дуэль журналистки и Сергея. Помочь не помог бы, а так навредить. Лаптев с ужасом наблюдал, как журналистка неумолимо приближается к дальнему углу комнаты, где на мольберте была выставлена похищенная картина. Дашкова так неожиданно нагрянула, что картину не успели спрятать. Хорошо, что Дашкова сейчас стояла спиной к Лаптеву. Он стал делать отчаянные знаки Сергею, чтобы тот незаметно накрыл картину полотном.

Сергей понял, что от него хочет Лаптев, и молча кивнул головой.

– Что это вы киваете головой, как полковая лошадь? – изумилась Дашкова.

– Я... я хотел сказать, что хочу показать вам свою лучшую работу, – выкручивался на ходу Смирнов. – Вы, я вижу, знаток в живописи. Это портрет прекрасной незнакомки. Ну, почти как у Тинторетто. Только он писал портрет прекрасной итальянки, а мне позировала русская богиня, – Смирнов выразительно посмотрел на Дашкову: – О, я благодарен небу, что оно послало мне встречу с вами. Вы так прекрасны! Я

обязательно нарисую ваш портрет. Вы позволите?

– Ну, я не знаю, я очень занятой человек, – невнятно пробурчала Дашкова. Ее воинственный пыл постепенно улету-чивался. Она вдруг позабыла, зачем пришла в мастерскую. Она была очарована. Молодой художник сразил ее наповал своими благородными манерами, вкрадчивым голосом, его бархатистые, темные как ночь, глаза заглядывали ей в душу. Ольга признательно посмотрела на Сергея и извиняющимся голосом прошептала: – Я не одета. То есть, я хотела сказать, что сегодня на мне джинсы и кроссовки, волосы собраны в хвост. Так удобней для работы. Знаете, целый день в бегах, ноги на шпильках устают.

– Не надо оправдываться, – благородно сказал Сергей. – Знаете, бытует такое мнение, что красивая женщина во всех нарядах хороша. Так я хочу вам сказать, что вы красивая женщина, – Смирнов не знал, то ли он льстит журналистке, то ли говорит правду. Он, действительно, был восхищен ею. Его пленили ее зеленые глаза, ее грация, напор.

– Так что же, сказал вам мой приятель? – продолжил прерванный разговор Смирнов.

– Он сказал, что вы отлично разбираетесь в итальянской живописи эпохи Возрождения. Но самое интересное, что ваш друг, Олег Кириллов, – тут Дашкова запнулась. Она споткнулась о сложенные в углу багеты и растянулась на полу. – Ой-ой, я, кажется, подвернула ногу, – чуть не заплакала от боли Ольга. В это самое время Смирнов поспешил

накрыть злополучную картину полотном. Он с облегчением вздохнул и поспешил к даме. Он помог Ольге подняться с пола и проводил в кресло. Она с благодарностью посмотрела на него. Видя такую почти семейную идиллию, супруги Лаптевы поспешили удалиться.

...С тех самых пор Дашкова стала музой молодого художника. Он рисовал ее портреты, а она смотрела на него влюбленными глазами. Сергей души не чаял в ней. Он боготворил ее, и она отвечала взаимностью. От картины Тинторетто Смирнов поспешил избавиться, как ему и посоветовала Алиса. В общем, жизнь налаживалась. Он становился все более узнаваемым и популярным художником. Рядом была прекрасная женщина.

Это был бурный и страстный роман, который затянулся на несколько лет. Эта страсть вначале оказалась благодатным дождем, который напоил жаждущие любви души и тела мужчины и женщины, которых создал Господь для любви и неги... Потом пришло пресыщение друг другом. Затем настала пора разочарования и понимания того, что что-то не так.

Ольга постепенно, не сразу, начала осознавать, что эта страсть ее душит. Что она топчется на месте много лет. У нее нет карьерного роста, потеряла вдохновение. Начала писать романы, забросила. Хотела с подругами поехать на курорт, но не поехала, потому что Сергей не отпустил ее. Она все

время, свободное от работы, была с Сергеем.

Он жаждал ее видеть, искал повсюду – по городу, у друзей, у подруг. Она перестала ходить на вечеринки и в кафе, ибо Смирнов ревновал ее до безумия. Он приходил и забирал ее отовсюду. И она шла за ним безропотно, счастливая от мысли, что она нужна ему, он не может и дня без нее прожить. «Господи, за что мне такое счастье!» – захмелев от счастья, потеряв голову от любви, шептала Дашкова.

Забывшись в забытии, прильнув друг к другу, они шептали в сладостной истоме:

– Оленька, душа моя... я искал тебя всю жизнь, – Сергей страстно обнимал в своих объятиях подругу. И она таяла под напором его ласк и поцелуев. Извиваясь всем телом в любовном экстазе, тесно прижавшись к молодому любовнику, Ольга шептала прерывающимся голосом:

– Милый мой... как хорошо ...мне с тобой.

Он снова и снова покрывал ее уста, шею, грудь поцелуями. Они были такими горячими и волнующими, что Ольге казалось, что она сейчас задохнется от страсти. И женщина раскрывалась ему навстречу как цветок, обнимая руками его за шею, она дрожала в его объятиях как трепетная лань, тихо постанывая от удовольствия. Сергею нравилось податливое и гибкое тело любовницы, ее постоянное желание быть с ним, ее страстность и отзывчивость на ласки возбуждали его. Он был молод и горяч, неутомим как любовник, она была опытной зрелой женщиной, прекрасной любовницей. Они

дарили себя друг другу, совершенно не думая о завтрашнем дне, проводя все ночи напролет в любовных утехах. Казалось, что они созданы друг для друга, и никто им больше не нужен. И так будет продолжаться вечно. И все же разрыв был неизбежен.

Ссора возникла, казалось, на голом месте. Ольга была в тот день нежна и открыта как всегда. Они только что были близки, и утомленные и счастливые лежали в кровати, тесно прижавшись друг к другу. Ольга посмотрела на любовника преданными глазами и прошептала:

– Ты знаешь, мне хочется рассказать...

– О чем, любимая? – Сергей нежно поцеловал женщину в губы.

– Сереженька, мне кажется, что до встречи с тобой я и не жила вовсе. Ты подарил мне целый мир.

– Правда, радость моя?! – искренне удивился любовник. Подумав, он добавил: – А что? я такой, парень хоть куда, – на лице Сергея появилась самодовольная улыбка.

Реакция мужчины на ее слова не понравилась Ольге. Она вдруг замкнулась и отвернулась к стене. На глаза набежали слезы, слова Сергея показались обидными. Желание откровенничать больше не возникало. Женщина кусала губы от обиды и думала о том, какая она дура, что полезла к Сережке со своими признаниями. «Какие же мы дуры, бабы, что открываем перед мужчинами свою душу!», – думала в сердцах про себя Дашкова.

Сергей положил руку на плечо подружки и примирительно пробасил: – Ну, будет дуться, Ольга. Не понимаю, что я такого сказал. Не обижайся.

Женщина молчала.

– Олюшка, ты моя зеленоглазая богиня. Ты моя Галатея. Я создал тебя своими руками, как в древности известный скульптор Пигмалион слепил своими руками прекрасную статую Галатеи. Она была так прекрасна, что он влюбился в творение своих рук. Он попросил, чтобы богиня Афродита оживила статую Галатеи. С тех пор они не разлучались никогда. Я точно так же схожу с ума от тебя, у меня было много женщин, но такой секс как с тобой... – Сергей привлек Ольгу к себе и страстно поцеловал. Тем не менее женщина не ответила на призыв возлюбленного. Она увернулась от его объятий, намереваясь встать с кровати.

– Оля, куда ты идешь? – пришел в изумление партнер. – Ты не хочешь заниматься со мной любовью?

– Нет! Я просто не хочу заниматься сексом, – холодно ответила женщина.

– Ольга, что случилось?! Я чем-то обидел тебя? Или я был грубый с тобой? – не мог понять поведения любовницы мужчина.

– Что ты, Сережа, ты замечательный любовник, не наговаривай на себя, – улыбнулась Ольга. Она поспешно натягивала на себя комбинацию. – И сегодня ты как всегда был на высоте.

– Тогда я вообще ничего не понимаю, – зло буркнул мужчина и закурил. Он отвернулся к окну.

Ольга посмотрела на его голые мускулистые плечи и остановилась в нерешительности. Еще минуту назад она готова была уйти отсюда навсегда. Второпях натянув белье, Ольга уже начала одевать джинсы. Сейчас женщина была в полном замешательстве. «Боже, что я делаю? Зачем я снова поссорилась с ним? – думала она. – Все же было так хорошо! Но главное, мне не хочется уходить и бросать его в таком состоянии». Ольге стало жаль Сергея, в этот миг он казался ей таким несчастным. Он сидел, сторбившись на кровати, закулив еще одну сигарету. Но Ольга решила быть неумолимой. Хотя бы сегодня! Она должна показать свой характер. Она деловая волевая женщина, а не покорный котенок, который нуждается лишь в ласках Сергея. Ольга со злостью стала одевать свитер. От нервного напряжения у нее задрожали руки, длинные волосы запутались в горловине трикотажного свитера. В раздражении женщина стянула свитер через голову и швырнула на пол.

От отчаяния и бессилия Ольга села на пол и заплакала.

Сергей бросился к ней:

– Не плачь, любимая. Я умоляю тебя, ну не плачь. Ну, ничего же не произошло. Ну, немного поссорились, с кем не бывает. Ты почему-то на меня обиделась. Ты же знаешь, как я люблю тебя, несравненная моя, – Сергей поднял любимую на руки и понес к кровати. Ольга прижалась к любимому

му. В этот миг ей никуда не хотелось убегать. Женщина поняла, что безумно влюблена в Сергея. У нее не было сил что-то менять. Она со страстью отдалась нахлынувшему чувству. И только мысль, что она не первая и не последняя, кто побывал в алькове этого красавца, мешала Ольге быть счастливой до конца.

Глава 3

Профессия журналиста начала выматывать Дашкову. Ее энергия поиссякла, померк блеск изумрудных глаз. В походке женщины появилась усталость, в душе – разочарование. Это была уже не та жизнерадостная энергичная женщина, которая однажды как комета появилась на небосводе Смирнова, и которую художник избрал своей музой...

«Золотокосая моя, – любил Сергей повторять Ольге, когда они оставались наедине. – Ты неземная женщина. Как хорошо мне с тобой».

Сергей и Ольга сидели, обнявшись, в мастерской. Они были так близки и так далеки в эту минуту друг от друга. За окном барабанил дождь, наводя тоску. Все было по-прежнему, и все же Дашкова почувствовала, что между ними пролегла пропасть. Она посмотрела в окно, увидела там свое отражение и улыбнулась.

Дашкова вспомнила, как была счастлива несколько дней назад, когда они встретились с подругой. Валерия Красновская была хохотушкой с длинными волосами, напоминающими червонное золото. Они были давнишними подругами. И хотя Валерия давно была замужем и воспитывала троих сыновей, дружба с годами не иссякла, а наоборот, окрепла. И хотя встречи были редкими, радость от этого не умалась.

Подруги, как и прежде, души не чаяли друг в друге и поверяли самые сокровенные тайны. Однажды, встретившись в кафе, Красновская по настроению подруги поняла, что-то неладное с ней творится.

Ольга отвечала невпопад, как-то уныло смотрела в окно и практически не ела шоколада. Подруга забила тревогу:

– Олечка, что с тобой что-то происходит? Выкладывай все начистоту! – перешла к решительным действиям Красновская.

– Валерия, я влюблена, – тихо ответила Дашкова.

– Ну, это только б слепой не заметил. Что ж он твой кареглазый Аполлон чуть не замучил тебя. Ты, видно, не спишь совсем, и не ешь, видно одной любовью питаетесь.

– О, Валерия, я так люблю его. Зачем мы встретились тогда? Зачем был нужен этот материал? Я же могла отказать Анатолию и не заниматься этим журналистским расследованием.

– Отказать Преферансову, это не возможно, Ольга, ты же знаешь, – покачала головой Красновская. – Он и так был недоволен, что ты ему тогда отказала в близости.

– Служебный роман, фи, – помотала головой Дашкова. – Минута счастья, а потом все сослуживцы обсуждают ваши отношения.

Разговор затих на несколько минут. В кафе заиграла прекрасная мелодия в исполнении Джо Дассена. Дашкова окуналась в музыку. Она так любила сентиментальные песни

Дассена. Мужской чарующий голос проникал в ее сердце. Казалось, он страдал вместе с ней, над ее разбитым счастьем, над ее разбитой любовью и несбывшимися мечтами. От переживаний в горле стал ком, Дашкова кашлянула и посмотрела на подругу затуманившимися от слез глазами.

– Боже, все закрутилось из-за картин, которые потом нашлись в квартире младшего научного сотрудника Кириллова, – как-то с болью в голосе сказала Дашкова и выпила пятый за вечер бокал шампанского.

– Ничего себе. Он что хотел продать полотна Тинторетто за границу?

– Да где там? – махнула рукой куда-то в сторону Дашкова. – Когда его «накрыли», машины с мигалками понаехали. /Ну ты что, похищение века! Он так испугался, что дара речи лишился. Как выяснилось потом, он взял их просто на время. Вынес под мышкой, никто даже не заметил.

– Куда только зрители смотрят?

– Нет, они смотрят, как следует. Дело в том, что он картины с черного входа вынес. Они хранились в фондах. И не выставлялись из-за особой значимости и баснословной цены. Провинциальный краеведческий музей не мог обеспечить надлежащей охраны.

– Поди ж ты, – хмыкнула Красновская. Мировые ценности хранятся в запасниках, а в экспозиционных выставках, наверное, обывателю показывают всякую ерунду. Видела я в одном провинциальном городишке дешевые макеты само-

летов и кораблей. Да бумажные вырезки из газет и пожелтевшие от времени фотографии.

– Ерунда не ерунда. В общем, это не наше дело. А этот Кириллов оказался простым влюбленным, несчастным, правда. Чтобы добиться взаимности, он пригласил к себе девушку и показал ей полотна выдающегося мастера. Правда, двух картин все-таки не досчитались. Предполагают, что они уплыли за границу и сейчас находятся в частной коллекции какого-нибудь любителя изящных искусств. Попало, конечно, Кириллову за то, что незаконно вынес картины из музея. Жаль парня. Можно сказать, пострадал из-за любви. А его пассия оказалась бесчувственной и вышла замуж за другого.

– Чего только на свете не бывает, – вздохнула Красновская. – Ну а как твой роман. Говори уж, вижу, что страдаешь.

– Валерия, мне кажется, я надоела ему, – заплакала Дашкова.

– Так, кажется, алкоголь начал действовать. Перестань, не плачь, он не стоит твоих слез.

– Стоит, он стоит. Боже, я его так люблю.

– Так поженитесь.

– Он не хочет, – Ольга уже плакала навзрыд. – Я же понимаю, я старше его.

– Ну не намного.

– Все равно, может он этого боится.

– Не говори глупостей. Ольга, – резко оборвала подружку Красновская. – Тысячи мужчин эта разница в возрасте

не остановила. А он, видите ли... Он просто трус и подлец. Соблазнил прекрасную женщину.

– Валерия, прошу тебя...

– Не перебивай меня сейчас, Оля, пожалуйста. Я много лет наблюдала за вашим романом и, заметь, молчала.

– Да, – покорно согласилась Дашкова.

– Так вот, он, твой Смирнов, соблазнил красивую, уважаемую всеми, известную женщину, промурыжил ее четыре года, а теперь она ему не нужна. Он не хочет ответственности, он боится семейной жизни. А ты, голубушка дура, что отказала своему редактору Преферансову, раз он обещал жениться на тебе.

– Валерия, Анатолий женат.

– Ольга, ты же говорила, что он был готов развестись.

– Да это так.

– Вот видишь. А зачем, спрашивается, отшила богатого бизнесмена?

– Виноделова?

– Да, его.

– Но он не красив, старше меня, ниже ростом.

– Родная моя, рост – это не главное достоинство мужчины. Он же одаривал тебя золотом и бриллиантами. Ну, чем тебе не жених? Ты, кстати, молодец, что не вернула ему украшения. Я вижу на тебе сегодня сережки и кулон с изумрудами.

– Да, это один из его подарков. Знаешь, Виноделов оказался благородным. Он не принял назад драгоценностей, ко-

торые подарил. Он сказал, что я заслуживаю большего.

– Это он молодец, уважаю таких мужиков. А вот мой... – женщина расстроено махнула рукой. – Ну, путевка в Крым, путешествие за город, подарок на 8-е марта и все!

– Не говори так, Валерия, у вас же дети. На них требуется так много расходов.

– Да ты права, я счастлива. Мой Вася, хоть уже не так кудряв как в молодости и с залысынами, хороший муж. И меня не обижает, а это – главное. А дети у нас самые лучшие. Эх, родить бы еще. И стать бы матерью-героиней, – помечтала Красновская.

– А вы родите. Валерия, если тебе дано. Это такое же счастье. Многим этого не дано, и как они страдают. Самая большая загадка в мире – рождение ребенка. Не египетские пирамиды, ни затерянный во времени город древних инков, ни раритетные вещицы. Все это преходящее... И только в рождении ребенка, материнстве, сокрыта самая большая тайна человечества. Ведь материнство воспето у всех народов: в стихах, прозе, живописи, музыке, фольклоре...

Дашкова говорила, говорила, а слезы произвольно текли по щекам, как будто они, эти горькие слезы, были свидетелями тайной боли женской одинокой души. Дашкова говорила искренне, говорила правду. Без бравады, без журналистских штампов. Ибо это было выстрадано ее нутром. Она многим отказала в замужестве. Красавцам, богачам, она хотела любить и быть любимой. И поняла, что обману-

лась. Жизнь стала проходить стороной, словно наказывая ее за гордыню.

Ольга уже не помнила, почему отказала красавцу Борису с параллельного курса. Возможно, она хотела, слишком хотела достичь карьерного роста. Боже мой, сделать карьеру, когда на карту брошено все и в жертву приносится даже семейное счастье. Борис женился через год на сокурснице Лидочке и уехал с семьей за рубеж в длительную командировку.

Потом был дипломат Игорь, который потребовал, нет, попросил, чтобы Ольга сменила фамилию на его и бросила свою работу, ибо «жены дипломатов не работают». Вернуть бы сейчас то золотое время, ей 25, как сейчас Сергею, и еще не ноет по ночам сердце от тоски.

В современном мире, когда цивилизация практически достигла своего апогея, так много одиноких людей, мужчин и женщин, и они страдают от одиночества. Не зная, как познакомиться на улице, в трамвае, в театре с понравившимся человеком. Господи, сколько несчастных старых дев живет одиноко на белом свете! Кому-то хоть повезло, у них есть любовники.

Глава 4

Дашкова не спала всю ночь, ворочаясь в постели с боку на бок. Скомканы белые

атласные простыни, безнадежно спутаны длинные волосы, а сон все еще не шел к

Ольге. И только когда за окном забрезжил рассвет, молодая женщина забылась во сне. И все равно ее мучили кошмары, которые лезли в ее хорошенькую головку и мешали спать, вернее, досыпать последние несколько часов перед работой.

Едва переступив порог редакции, Дашкова подумала о том, что сейчас закроется у себя в кабинете, сядет за стол, положит голову на руки и полчаса вздремнет. И никаких звонков, никаких посетителей! Но этому не суждено было случиться. Секретарша напомнила, что сегодня вторник и, как всегда, оперативка у шефа. А перед этим ее попросил зайти к себе в фотолабораторию коллега Степан Рыкин.

Степан был первоклассным специалистом, а главное с ним можно было идти в разведку. У Ольги с Рыкиным были хорошие приятельские отношения. Единственное, что омрачало дружбу, так это уверенность Степана в том, что он обязательно должен затащить Ольгу в постель. Она была категорически против.

Дашкова переступила порог фотолаборатории и задохнулась от табачного дыма. Здесь было людно. К Рыкину заско-

чили на перекур коллеги Михаил Майоров и Татьяна Булош-никова, такие же заядлые курильщики как и Степан.

– Ну и накурили, хоть топор вешай, – сказала Дашкова и застыла в нерешительности на пороге комнаты.

– Чего ты, Оля, заходи к нам. У нас весело, Степан свои байки рассказывает, – сказал добродушно Михаил.

– Ну, хорошо, только не надолго.

– ...вот я и говорю, что-то здесь не так, – закончил начатую фразу Рыкин.

– Что не так? О чем вы тут беседовали без меня? – Дашкова с любопытством поглядывала на коллег.

– Ты знаешь, Оля, интересное дело наклеывается.

– Какое, Миша, говори.

– Говорят, Кириллова убили. Помнишь, ты журналистское расследование проводила по поводу краж картин итальянского живописца из провинциального музея.

– Конечно, помню. Ну и что?!

– Ну, так вот, Кириллов не давно вышел из тюрьмы на свободу, – сказал Степан. – Вчера ночью он был застрелен у себя на квартире. Думаю, что кто-то хотел убрать лишнего свидетеля.

– Я тоже так думаю, что Олег Кириллов очень много знал, поэтому его убрали! – сделала вывод из сказанного Булош-никова.

– Но кто? Зачем?! Не понимаю! – Дашкова в недоумении пожала плечами.

– Я думаю, что за этим делом кто-то стоит, – сказал тоном знатока Мишка Майоров. – И еще не один человек может пострадать...

– Ты думаешь?! – ужаснулась Булошникова. Она посмотрела на Дашкову и сделала предположение: – Но ведь, Ольга проводила журналистское расследование по этому делу. Она очень много знает, и можно предположить, что Некто, кто стоит за всем этим делом, захочет убрать всех, кто знает что-либо...

– Прекрати! – оборвал Булошникову Степан Рыкин. – Только не надо нагнетать обстановку. – Я Ольгу в обиду не дам!

– Правильно! – сказал Мишка. – С этих пор будем ходить на задания вместе, чтобы никто не мог причинить Ольге зла.

– Глупости все это! – решительно сказала Дашкова. – Вы что и дома меня будете караулить, и из дому на работу провозить?

– Ага! – с готовностью подтвердили свое решение мужчины.

– Нет! Я против этого. Во-первых, я ничего не боюсь. Во-вторых, как показывает практика, если убийца задумал убрать жертву, он настигнет ее в любом случае, главное быть на чеку. Ну а в-третьих, я сама займусь этим делом и выйду на главного заказчика, чего бы это мне не стоило.

– Правильно, и в этом я тебе помогу! – решительно сказал Майоров и сделал шаг на встречу Ольге: – Оля, дай я пожму

твою мужественную руку.

Рыкин стал между ними и преградил дорогу коллеге:

– Э нет, Мишка, так дело не пойдет. Мы несколько лет с Дашковой работаем вместе. И это расследование проведем с ней вместе.

– Но я тоже хочу помочь вам, – не унимался Мишка. – Тем более, когда Ольге угрожает опасность.

– Ты думаешь, мы без тебя не справимся, – Степан свысока посмотрел на невысокого Майорова.

Мишка понял, что Степан намекает на его малый рост и зло огрызнулся:

– А может, и не справитесь. Всем известно, что ты, Степан, голову потерял из-за Ольги, и бегаешь за ней, как телок на привязи...

– Что-о-о! – заревел Рыкин и с кулаками набросился на обидчика. Они сцепились и кубарем покатались на пол, роняя при этом стул и фотоаппаратуру.

– Ой, мальчики, вы поубиваете друг друга! – завизжала Булошникова. – Оля, ну сделай что-нибудь, а то этот бугай Степка покалечит Мишу.

– Таня, ну я не знаю, что делать. Ну не баллончиком же со слезоточивым газом их разнимать.

– А он у тебя есть? Давай!

– Я не дам!

– Тебе жалко!

– Мне не жалко, просто, зачем травить мужиков. Они сей-

час помирятся через минуту, как ни в чем не бывало, а ты хочешь их газом травить как врагов каких-то.

– Я поняла, – Булошникова зло зыркнула из-под лоба на Дашкову, – тебе просто нравится, когда мужики дерутся из-за тебя. Тебе это удовольствие доставляет, что они сейчас метелят друг друга, чтобы доказать тебе, кто круче.

– Ты дура, Татьяна, если так думаешь. И вообще, я ухожу! Мне надоел весь этот цирк, – Ольга направилась к двери. В этот момент в кабинет вошел редактор. Увидев дерущихся на полу мужчин, он опешил на какую-то долю секунду. От удивления он даже снял очки.

– А ну прекратите немедленно! А то поувольняю всех к ядреней фене! – рявкнул редактор. Увидев, что его слова возымели действие, Анатолий Преферансов привычным движением водрузил очки на переносицу и тоном, не требующим возражения, сказал:

– Чтобы через минуту все были у меня в кабинете!

– Но... – возразил Мишка, поправляя на себе изорванную рубашку. Из побитой губы у него текла кровь. Мишка рукавом вытер кровь и сказал: – Нам бы умыться.

Редактор зло посмотрел на сотрудников. У Мишки синел фингал под глазом, волосы взъерошены, у Степана тоже вид был помятый.

– Нечего сказать, хороши работнички, – сплюнул через губу Преферансов. – Нашли где драку устроить. Вон даже аппаратура пострадала. А ведь сейчас техника столько денег

стоит!

Мужчины стояли молча, виновато опустив голову.

– Чтобы через пять минут все были у меня в кабинете! И никаких гвоздей! – грозно сказал редактор и вышел из фотолaborатории.

На следующий день коллеги встретились в коридоре, как ни в чем не бывало. Рыкин был нагружен съемочной аппаратурой, и походкой казался похожим на старую баржу. Дашкова шла легко и непринужденно как гоночная яхта. Вот они встретились и обменялись любезностями.

– Ольга, я тебя повсюду искал, у нас срочное задание, – поспешно заговорил Рыкин.

– Почему я ничего не знаю. Я все узнаю в последний момент, – капризно поджала губы Дашкова.

– Для этого, моя милая, надо приходиться вовремя на работу, а не опаздывать на два часа.

– Между прочим, я была очень занята. У меня дома настоящий потоп. На кухне прорвало кран, и вода затопила полквартиры. Бедные мои ковры, они полностью испорчены от воды. Пришлось ждать слесарей...

– Ты можешь мне не рассказывать, я все равно знаю, что ты проспала. А свои басни оставь для Преферансова. Это он верит твоим бредням. Небось, со своим всю ночь барахта-лась?

– Степан Ильич, что за тон? Что вы себе позволяете? – женщина обиженно отвернулась от коллеги.

– Прости, Оленька, я дурак. Это я сдуру ляпнул. От злости и от ревности, что ты не меня выбрала.

– Степа, мы же с тобой на эту тему говорили, – устало проговорила Дашкова. – Мы друзья, хорошие друзья и все.

– Да знаю я все, не кипятись.

– Степа, мне кажется, ты не так уж долго и сох по мне. Давеча мне Татьяна Булошникова говорила, что ты на новую секретаршу стал поглядывать, – пошутила Дашкова.

– Леночка – девушка хорошенькая, но глупая.

– Ну а зачем тебе умная, ты он сам какой грамотный и начитанный, любого за пояс заткнешь.

– Ты сегодня грустная, Ольга, и мне это не нравится, – Рыкин внимательно посмотрел на Дашкову. – Он тебя бросил?

– Кто он? – не сразу поняла Дашкова.

– Ну, красавец твой, Смирнов. Художник, который сделал себе имя на твоём портрете. Ты только скажи, я ему морду сразу набью.

– Ну, допустим, этот портрет принес славу и мне. Ну и что! Никто меня не бросал. Степан, это не твое дело, я как-нибудь сама разберусь со своей личной жизнью.

– Эх, одного вы, бабы, понять не можете, что у некоторых мужиков есть страх перед женитьбой. Об этот барьер не одна великая страсть уже разбилась.

– А ты не думал, дорогой мой, что этот же страх, перед замужеством, присущ и нам, женщинам.

– Теперь я понял, почему ты не замужем, – улыбнулся Ры-

кин. – А то я тебя зову, зову замуж, а ты все ни как!

– Рыкин, ты нахал! Сам меня спровоцировал на этот разговор. За тебя замуж не пойду, и не надейся. Зачем мне разведенный?

– Только не надо касаться моей самой больной темы. Если бы моя Наташка была чуточку умней, она бы ни за что не ушла к этому чертовому банкиру. И нашел же чем смазать! Дорогими подарками купил, цветочками, поездками на Канары да на Мальдивы. Вот пусть теперь она и мучается с ним.

– А что, уже были сигналы?

– Да заскакивала Наташка недавно ко мне. Вся с виду аж лоснится, такая упакованная, разодетая в пух и прах. Парфюм дорогой, украшений на ней навешано на несколько штук баксов, а глаза грустные как у побитой собаки.

– Да неужто?!

– Да-а, мне-то ее не знать, – загрустил Рыкин. – Все-таки вместе десять лет прожили. Все было хорошо, так захотелось ей романтики. Соблазнилась на дорогой мерседес да дачу-особняк. Вот и выходит, что любую женщину можно купить, только у каждой своя цена.

– Ты глуп, Степан, и озлоблен на весь мир! Ревность и зависть плохие советчики в амурных делах. Ты сейчас готов обвинять женщин всего мира в коварстве и измене. Лучше бы задумался над тем, как удержать жену, раньше.

– Эх, детей у нас не было. Надо было усыновить ребенка

из детдома. А детьми можно любую бабу к дому привязать.

– Нет, это не правда. Это не остановит женщину, если она ослеплена любовью. А уж если хочет уйти от ненавистного мужа, тем более.

– Конечно, если хочется совершить прелюбодеяние, женщину ничто не остановит.

– Не надо громких фраз, мужчина! Вспомни, на какие только подвиги и гадости не идут мужчины, чтобы затащить желанную даму в постель. Впрочем, оставим беседы об адюльтере. Вернемся на грешную землю. Зачем ты звал меня?

– Нам с тобой, уважаемая коллега, надо срочно идти на задание, шеф разнарядку дал.

– Интересное?

– Закачаешься.

Дашкова по привычке сразу же переключилась на работу. Собралась в считанные минуты. Она стремительно залетела в кабинет, предупредила коллег об отбытии на задание, на ходу надела плащ, кинула сумку через плечо и, не дождав-шись лифта, сбежала по лестнице в вестибюль. Там ее уже ждал Рыкин. Они вышли на улицу, громко хлопнув дверью. И сразу же очутились под проливным дождем, который лил третий час кряду, не переставая.

– Боже, а я сегодня зонтик не взяла.

– Ничего, милая, сейчас до ближайшего метро добежим, а там 30 минут езды по Кольцевой и мы на месте, – голос

Рыкина звучал убедительно.

– А машина где? – Дашкова взглядом поискала знакомую легковушку серого цвета.

– А машина поломалась, она в гараже.

– Ясно, опять жена Преферансова забрала служебное авто для своих нужд. Наверное, снова поехала в Охотный ряд. Как это она там еще не все скупила, – говоря это, Ольга ловким движением сняла с шеи платок и накинула его на голову.

– Ну что там у тебя, Степа? Куда нам добираться? Давай, что ли такси возьмем, пусть потом шеф оплачивает расходы.

– Понимаешь, забавный случай недавно произошел в одном из престижных элитных домов. Мы как раз едем именно туда, – Рыкин начал рассказывать суть дела уже в машине.

– Так, хорошо, – по-деловому рассуждала Дашкова. – И как мы с тобой пройдем в этот дом. Там же охрана и консьерж.

– Ну, я думаю, нас там уже ждут.

– Интересно, ждут, чтобы выгнать в шею. Так, становится интересно. Степа, ты готов перелазить через забор и лезть по водосточной трубе. Кстати, нам какой этаж нужен?

– На четвертый.

– Ничего себе, – присвистнула Дашкова. Высоковато падать. Ты полезай, Рыкин, а я тебя внизу покараулю.

Во время разговора пассажиров водитель такси, заподозрив неладное, начал обеспокоено оглядываться на клиентов, что сидели на заднем сиденье. Заметив его движения,

Рыкин успокоил:

– Не волнуйся, дядя, мы не воры, мы – репортеры.

– Хрен редьки не слаще, – сказал с облегчением шофер и полностью сосредоточился на дороге.

– Так вот, – продолжил фотокор, – никуда мы взбираться не будем. В этом доме живет элитная публика, все больше семейная. А одному деятелю, любителю острых ощущений, приспичило в своей квартире заняться адюльтером. Уж не знаю, чем он занимается, то ли партийный босс, то ли крупный бизнесмен, мне Преферансов не говорил. Жена с ребятишками на дачу укатила, а наш мачо с любовницей встречается.

– Интересно, когда это мы стали вести колонку светской хроники?

– Да погоди ты, Ольга, не лезь поперед батька в пекло. Дай досказать. В редакцию поступил сигнал от «доброжелателя». Пока жена на даче, наш герой Яблоков шашни крутит с молодой любовницей. Вот шеф и дал нам задание: заснять сладкую парочку. Ну, чтобы сенсация, понимаешь, тираж-то падает...

Они затаились в кустах сирени с фотоаппаратами наготове. Ждать пришлось долго. Но терпение было вознаграждено. Когда крутой мен вышел с любовницей в обнимку из подъезда дома, Рыкин щелкнул затвором фотоаппарата. Ценный кадр был уже в кармане. Не ожидая засады, любовники не спешили садиться в машину, они беспечно целова-

лись, не подозревая, что это станет достоянием общественности. Дашкова хотела уловить более удобный ракурс и, забывшись, наполовину вылезла из кустов. «Дура, куда ты полезла! – только и успел прошипеть Степан ей вдогонку. – Нас сейчас обнаружат». Степан оказался прав, охранники уже обнаружили репортеров и кинулись со всех ног в их сторону.

– Ой, мамоньки! – испуганно закричала Дашкова. – Степа, они нас заметили. Что теперь делать?

Рыкин молча схватил девушку за руку и потащил за собой. Они побежали что духу от погони, скрываясь в вовремя подвернувшейся подворотне. Забежав в первый попавшийся подъезд, они на лифте добрались на последний этаж и затаились там. Немного отдышавшись, Степан стал озираться по сторонам. Убедившись, что они оторвались от погони, он с облегчением проговорил:

– Фу, кажется, пронесло... Я уж, думал, накостыляют нам.

– Ты ду... маешь... они... нас... побили бы? – насилу выговорила Дашкова, ее била нервная дрожь.

– А ты что думаешь, что они просто так за нами бежали два квартала.

– Ну, догнали бы охранники, ну и что. Только бы аппаратуру забрали и вся делов, – неуверенно сказала Дашкова.

– Ты, вообще, Оля, понимаешь, что ты говоришь. Ты просто не попадала еще в такие передраги. А мне уже пару раз так перепало, что еле домой добирался. Впрочем, думаю, тебя как женщину пожалели бы. А мне уж точно не сдобровать.

Хорошо, что сегодня пронесло, – улыбнулся Рыкин и подмигнул Дашковой: – Что передрейфила?

– Честно говоря, да.

– Ладно, не бойсь, со мной не пропадешь. Давай, чели, отсюда выбираться.

– Давай, нас, наверное, уже в редакции ждут, а мы тут прохлаждаемся как на курорте.

– Скажешь тоже, как на курорте. Сейчас бы на золотом песочке где-нибудь поваляться...

Но Дашкова уже не слушала Степана, она стала осторожно, крадучись, спускаться вниз по лестнице.

– Ну, что там никого нет? – спросил Степан.

– Кажется, никого. Пошли!

– Слушаюсь, мой капитан! – козырнул Степан.

– Ой, кривляка, – улыбнулась Дашкова.

– Ты сейчас такая хорошенькая, Ольга, я бы тебя расцеловал, – Степан было полез обниматься.

– Еще чего! Нашел время! – осадила его Дашкова, она пыталась вырваться из его цепких рук.

– Ну, я же тебя спас. Я сегодня у тебя в роли верного рыцаря. Неужели не заслужил один поцелуй.

Ольга молчала, тогда Степан улучил момент и поцеловал ее в губы. Она не сопротивлялась, после пережитого волнения ей было приятно снова ощутить себя женщиной, слабой и желанной. Тем более, что это был всего лишь невинный поцелуй...

Материал действительно оказался сенсационным, весь тираж разлетелся молниеносно. Скандал вокруг особы Яблокова оказался на руку его конкурентам. Преферансову удалось немного заработать на этом деле. Вечером был фуршет. Пиршество было уже в разгаре, когда редактор уже изрядно навеселе подошел к Дашковой и Рыкину. Он по-приятельски обнял Степана и приветливо улыбнулся Ольге: – Ребята, какие вы молодцы. Такой материал сделали. Такие классные снимки получились. Ты, Оля, молодец, такую статью разгромную накатила. Теперь твое имя у всех на устах. Ты теперь популярная.

– Лучшего бы этого не было, – вздохнула Дашкова.

– А что? Что такое?

– Она-то молодец, только ей угрожали, – сказал Степан, вступаясь за коллегу.

– Кто угрожал! – оживился Преферансов. – Говори, Дашкова, мы его в бараний рог свернем.

– Да говорила я тебе об этом, Анатоль, когда люди от мачо приходили в редакцию. Угрожали, что расправятся со мной, если материал пойдет в газете.

– А-а-а, припоминаю. Оля, ничего не бойся. У нас теперь такая крыша, закачаешься.

Редактор еще бы долго разглагольствовал на эту тему, если бы его не отвлек кто-то из гостей. Рыкин посмотрел вслед уходящему и улыбнулся:

– Ну, Анатоль сегодня и набрался! Сто лет его таким

не видел.

– Да, – кисло улыбнулась Дашкова. Ей почему-то сегодня было не весело. На душе кошки скребли. Пить тоже не хотелось. Она поставила недопитый бокал вина на стол и направилась к выходу. Ей захотелось подышать свежим воздухом. До дома от редакции было всего полчаса ходьбы, Ольга, не задумываясь, отправилась пешком.

Было около десяти часов вечера, моросил мелкий дождь, улицы уже опустели. Она шла по ночному городу и думала о том, как она завтра или послезавтра придет к Сергею и скажет: «Милый, все кончено! Я устала от этих отношений. Наш роман затянулся». Ольга представила вытянутое от удивления лицо любовника. Она подумала о том, что Сергей станет ее отговаривать от этого шага, и ей это было приятно. Она улыбнулась.

Подходя уже к дому, Дашкова заметила маячившие в глубине двора две подозрительные фигуры. Бритоголовые, одетые в кожаные куртки, они явно кого-то поджидали, нервно озираясь по сторонам. Один был низкого роста, коренастый. Второй длинный и худой как каланча. Недалеко стоял черный джип. Женщина на минуту растерялась, она не знала, как ей поступить. Под ложечкой засосало, это был неприятный сигнал. Ольга почувствовала, быть беде. В какую-то минуту, она подумала, что лучше вернуться, убежать, пока ее не заметили те двое. Но было поздно, те двое, в кожанках, неумолимо приближались к ней. Бежать к подъезду бы-

ло поздно, она бы не успела нажать код. Дашкова осталась стоять на месте, как вкопанная, мучительно ожидая своей участи.

– Ну что здравствуй, подруга, – сказал тот, что пониже ростом. Судя по тону, он явно был главным. Он подошел вплотную к Дашковой и стал ее бесцеремонно разглядывать. – Братан, а она ничего, клевая девочка.

Бандит, прозванный Дашковой каланчой, довольно залыбился, обнажая шербатые зубы.

– Ну что, ты, подруга, так обижаешь, нашего шефа. Пишешь о нем всякие гадости, фотки поганые в газете печатаешь. Нехорошо так, – сказал тоном ментора коренастый, похожий на быка, бандит и замахнулся на Дашкову. Ольга инстинктивно закрылась рукой. Тот самодовольно осклабился: – Боишься. Вижу, что боишься, а зачем тогда хозяйина не послушала. Он ведь тебя предупреждал.

Ольга молчала. Только зубы выбивали чечетку, ее била нервная дрожь.

– Вован, – обратился к главному каланча, – давай ее затащим в машину. Глянь, как она замерзла, дрожит вся, а мы ее обогреем, – бандит схватил девушку за плечи и хотел поцеловать: – Ты ведь нам не откажешь, красавица.

Дашкова в ужасе шарахнулась от него.

– Оставь ее, Дылда! – приказал Вован. – Хозяин сказал, что ее надо только припугнуть.

– А я что, я ничего, – стал заискивать перед главным Дыл-

да.

– Она девочка послушная и сделает все, что ей прикажут. В следующем номере она напишет, что Яблоков ни в чем не виноват, а это она по оплошности дала неточный материал. Ведь верно, детка, ты это сделаешь! – бандит с силой схватил ее за волосы. Дашкова застонала от боли.

В эту минуту она больше всего на свете жалела, что у нее не было пистолета. Она бы пристрелила этих подонков. Не помня себя от ярости, Дашкова выхватила из сумки газовый баллон и направила его в лицо первому, кто стоял рядом и кинулась бежать. Убегая, она услышала как взвыл от боли Дылда. Он схватился руками за лицо и простонал: – У, сука... Вован, она меня из баллончика окатила.

Но тот не слышал своего кореша, он кинулся к машине, чтобы догнать убегаящую журналистку. Ольга не помнила, чтобы она когда-нибудь так быстро бегала. Она дала такого стрекоча, как застигнутый волком заяц. Она сама не ожидала от себя такой прыти. Она бежала мимо домов, через дворы, не различая дороги, перепрыгивая через погребя и бровки. Деловой брючный костюм, в котором она сегодня была на банкете, оказался кстати. Единственно, что ей мешало бежать, так это туфли на высоком каблуке. Вован понял, что жертва уходит, и тогда он выстрелил. Ольга слегка покачнулась от боли, схватилась за руку, рукав был влажный от крови. Ей стало дурно, но она продолжала бежать все дальше и дальше по пустынному ночному городу. И казалось, никто

не хотел ей помочь, чтобы спасти от бандитов.

...Как она оказалась возле художественных мастерских, Дашкова потом не могла вспомнить. Знакомый сторож впустил ее в здание, и она уже слабеющая от потери крови еле добралась на третий этаж, где находилась мастерская Смирнова, она забарабанила в дверь из последних сил и потеряла сознание.

Придя в чувство, Ольга не сразу поняла, где она находится. Голова раскалывалась, в глазах было темно, все тело ныло. Она лежала на узком кожаном диване, в комнате пахло лекарствами.

– Где я? Что со мной? – застонала женщина и попыталась приподняться.

Сергей кинулся к ее постели. Он был очень обеспокоен:

– Оля, не надо, не вставай.

– А это ты, – улыбнулась Дашкова. – Но как я у тебя оказалась? Я ведь домой шла?

– Ты прибежала ко мне в мастерскую, тебя кто-то ранил, ты потеряла много крови и потеряла сознание. Оля, тебе надо бросать эту профессию к чертовой матери.

– В меня стреляли... люди Яблокова, он подослал их ко мне из-за статьи... – потрескавшимися от боли губами проговорила женщина. Она случайно легла на раненую руку и застонала. На лбу выступила испарина.

– Не волнуйся, родная, рана не глубокая. Пуля прошла на вылет, я уже обработал рану, за неделю будешь как но-

венькая.

– Я, вообще, везучая, – лицо Ольги тронула слабая улыбка. – Как хорошо, что ты у меня есть, Сереженька, – она с нежностью посмотрела на Сергея.

Он сейчас казался ей таким родным и близким, и таким красивым. Ей до конца не верилось, что она в безопасности, что все миновало, как страшный сон. И рядом Сережа, ее любимый Сережа. Еще час назад Ольга решила навсегда расстаться с любимым, но когда случилась беда, она прибежала к нему. Но главное, что Сергей ее любит. Он так трепетно за ней ухаживает, так нежно смотрит на нее, а в глазах такой неподдельный испуг. Ольга расплакалась.

– Не надо, ну не плачь, – умолял Сергей подругу, но она не могла остановиться, всхлипывая все громче. Ее плечи сотрясались от рыданий. Сергей гладил ее по волосам, целовал в мокрые от слез щеки, а она всхлипывала как дитя и теснее прижималась к его груди. «Обещай мне, что ты бросишь журналистику», – тихо шептал он ей на ухо. – «Обещаю», – все так же шепотом отвечала она, ей так было хорошо рядом с ним...

Очень скоро Дашкова выздоровела, но о своем обещании позабыла, она снова с головой окунулась в работу. Новое дело захватило ее полностью. Дашковой удалось выяснить, кто выносил картины итальянского художника из музея. Им оказался не кто иной, как хранитель фондов. Она влетела в ка-

бинет Степана, чтобы поделиться с другом этой новостью. Усевшись на стол, она сразу выпалила:

– Степа, как я не могла догадаться раньше, что картины выносит сам хранитель фондов Гришин.

– Но как ты узнала? – удивился Степан.

Дашкова самодовольно улыбнулась.

– Ну не мучь, говори уже!

– Степан, но это же сразу было очевидным! Пойми, что младший научный сотрудник Олег Кириллов не мог вынести картины из фондов без ведома руководителя.

– Ну, согласен, Кириллов слишком мелкая сошка. Фу, черт, – мужчина дернул себя за вихор, – но как я сам не догадался. Ведь все понятно, как белый день.

– Да, все понятно, если предположить, что есть некто третий, для кого эти картины были похищены. Он, конечно попытался, похищенные полотна сплавить за рубеж... Но главное, ему не нужен был лишний свидетель, он и приказал убрать Олега Кириллова.

– Выходит, Булошникова была права, когда говорила, что есть Некто, кто хочет замести следы?

– Да, – кивнула головой Дашкова. – Кириллов пал жертвой собственной недалёковидности. По всей видимости, Гришин был осведомлен с историей несчастной любви Олега Кириллова. Он то и уговорил Кириллова вынести картины Тинторетто под невинным предлогом, чтобы понравиться девушке.

– Да, и он согласился, тем самым подписав себе смертный приговор, – констатировал Рыкин. – Но постой, Ольга, если ты говоришь, что есть некто третье заинтересованное лицо, то почему вскорости похитители вернули картины. Зачем было тогда вообще инсценировать кражу?

– Картины не вернули, а подбросили. И не все, две самые ценные исчезли навсегда, и пока не найдены. Этот план задумали Гришин и его сообщник, и им удалось довести его до конца.

– Но как тебе удалось выйти на Гришина? Ведь, милиция в ходе следствия не имела к нему никаких претензий?

– Главный хранитель фондов остался в тени, потому что в следствии фигурировал младший научный сотрудник Кириллов, которого Гришин и сдал ментам. Я попросила бездомных ребятишек понаблюдать за всеми сотрудниками музея. Из них всех самым подозрительным оказался Гришин. Во-первых, он недавно купил дорогой автомобиль. И это при скромном окладе музейного работника. Потом, он личность весьма странная и угрюмая.

– Но это не повод... – попытался возразить Степан, но Дашкова перебила его:

– Постой! Я выяснила, с кем встречался Гришин. К нему в музей приезжал некто Серж Ветровский, из новых русских, который корчит из себя аристократа и мецената и покровителя искусств. Он помогает бедным талантливым художникам. Замечу, талантливым, не бездарностям. Для чего спра-

шивается?

– Для того, чтобы они смогли в любой момент подделать картину великого мастера, – сказал Степан.

– Правильно, поэтому неизвестно – подлинники кисти Тинторетто вернули в музей, или подделки. Этот Серж Ветровский завтра устраивает у себя в особняке благотворительный бал. У меня есть приглашенный, завтра я иду на этот бал. Надеюсь что-нибудь разузнать. Правда, я молодец! – Ольга с торжеством посмотрела на друга, ожидая его похвалы.

– Я не советую тебе встречать в это дело. Это может быть опасно! – решительно сказал Степан. – Ты никуда не пойдешь. Отдай мне приглашенный, я сам пойду. Я мужчина, для меня риск не страшен. Ты недавно была ранена, ты была?

– Я ничего не забыла. Степа, я ценю твое благородство, только... я раздобыла приглашенный билет для женщины, – в недоумении пожала плечами Дашкова. – Ты же не будешь переодеваться в женское платье?

– А что, это идея? – воскликнул Степан. – В женском костюме и парике на меня никто не обратит внимания, и я свободно смогу обследовать дом.

– Нет! Я сама пойду на этот бал. Я очень хочу познакомиться с этим Сержем Ветровским.

Ольга была категорична. Степан знал, что теперь ее переубедить бесполезно. Он решил, что завтра тоже отправит-

ся в особняк Ветровского, он будет ждать Ольгу на улице, и если с ней что-то случится, он сможет прийти к ней на помощь. Лучше, конечно, было бы проникнуть в дом, хотя бы под видом прислуги. Но как?! О своем решении Степан ничего не сказал своей коллеге...

Стоял морозный февраль. С утра небо было хмурым, к вечеру крупными хлопьями повалил снег. На улице было холодно, зло завывал ветер, а в огромном особняке Ветровского было тепло и уютно. Тихо звучала прекрасная мелодия. В гостиной было людно. Респектабельная публика веселилась, дамы всю щебетали, кокетливо отпивая из бокалов шампанское, они тихо обсуждали богатые туалеты своих знакомых и подруг, мужчины сгрудились возле стола с закусками и коньяком. По залу среди гостей неслышно лавировали вышколенные официанты с подносами на вытянутой руке, заставленными фужерами с шампанским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.